

«Книга ... освещает наше личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

15.06.2015

№6 (51) Июнь 2015 года

• Юбилейному номеру

Прошляпили! Профукали! Проморгали!

Что ж это мы так, граждане?! Майский номер «Светлячка», оказывается, был юбилейным – пятидесятым! – а мы ни ухом, ни рылом! Столь значимое в литературной жизни страны событие прошло буднично, тихо, без праздничных фейерверков и ликования народа на площадях!

Спешу исправить это досадное недоразумение и, пусть и запоздало, но поздравить всех нас с выдающейся, не побоюсь этого слова, вехой.

Что хочется сказать. Обозревая прошедшие с момента выхода первого «Светлячка» четыре творческих года, хочу отметить, что, во-первых и в-главных, эти четыре года не прошли впустую. «Светлячок» наш повзрослел, поправился (с восьми полос до шестнадцати), заметно увеличил тираж, а также прирос новыми авторами, читателями и почитателями. А ведь были опасения! Были! Были сомнения – потянем ли мы? Сможем ли набрать необходимое количество материала, чтобы ежемесячно заполнять аж – страшно подумать! – восемь полос? Потянули и смогли! Сейчас материала достаточно даже для того, чтобы «Светлячок» выходил на тридцати двух полосах и не ежемесячно, а еженедельно. Другое дело, что такого объёма не потянет ни наша библиотека (как спонсор), ни наша уважаемая редакция газеты.

Кстати, о редакции. Не секрет, что она состоит всего из двух человек – ответственного за выпуск (как она себя скромно именует) Маргариты Алексеевны Петровой и технического редактора (нашего компьютерного гения!) Лены Афанасьевой. Перед этими трудолюбивыми и бескорыстными людьми хочется не просто снять шляпу, но, сделав изящный поклон, тщательно, по-мушкетёрски повозить перьями в пыли – они этого достойны. Говоря откровенно, «Светлячок» наш существует и процветает лишь благодаря ежедневному кропотливому труду этих двух скромных и обаятельных женщин. Виват!

Отдельным абзацем отмечу, что процветаем мы также и благодаря всемерной помощи и поддержке нашей родной библиотеки, всех её сотрудников и – особенно! – её руководителя. Товарищи библиотекари, Наталья Викторовна – респект!

Если же ещё говорить о достижениях, то нельзя не отметить, что газета наша, нарастив количество, в полном соответствии с законами диалектики воплотила его в качество. Я сейчас имею в виду недавний выход в свет замечательного поэтического сборника «В бессонные ночи затейливы строчки», тепло встреченного прогрессивными читателями всех стран. Ведь материалом для этого сборника, в основном, послужили стихи, опубликованные на страницах «Светлячка». В настоящее время редакция газеты работает и над сборником избранной прозы. Всё это говорит о том, что наш «Светлячок» не просто живёт, он развивается, можно даже сказать – эволюционирует.

Резюмируя сказанное, хочу поздравить всех «светлячковцев» с нашим общим весомым достижением и пожелать всем нам вдохновения и творческих успехов! Ну, а нашим редакторам, кроме того, – ещё здоровья и терпения!

В общем, с праздником, дорогие соавторы, сотоварищи, соплеменники! С праздником «светлячковцы»! С юбилеем!

Владимир Юринов

На снимках: Елена Афанасьева за версткой газеты; именно таким задумывался заголовок «Светлячка», но не получилось. Наша строптивая букашечка не захотела сидеть внутри буквы «С», как того хотелось редактору, и вырвалась на волю. Так теперь и существует самостоятельно. Кстати, летать ей удаётся далеко. Где только нет наших читателей. Да и авторов тоже.

- На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

ВИТЬКА В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ

Рассказ-фантазия

Бабушка Зоя сидела у окна и печальными глазами смотрела куда-то вдаль. Уже несколько месяцев её душу тревожили грустные воспоминания о своем детстве. Несмотря на то, что ей было восемьдесят пять лет, она отчетливо помнила свои детские годы и юность. Жила бабушка Зоя, тогда девочка Зоя, в далекой деревеньке Зори под Андреаполем, которую вряд ли и на карте сейчас

найдешь.

Зоя знала, что её так тревожит. Наблюдая за своим единственным правнуком Витькой, бабушка очень его жалела. Ребенок рос в виртуальном мире. Тот настоящий, где пахло свежескошенным сеном и парным молоком, он не знал. Да и о чем тут говорить, он совсем не представлял, что такое парное молоко. Существование человека на этой грешной земле полностью обеспечивали машины. Для того чтобы поесть, нужно просто подойти к автомату, в него воткнуть пластиковую карту, сделать заказ, и в пластиковой упаковке получишь обед, если это можно так назвать. Потому что в этой упаковке и еда-то вся синтетическая.

Много лет назад, когда Зоя приехала в большой город, ей самой нравилось, что так быстро идет прогресс. С каждым годом услуги людей все больше заменяли машины. Но те натуральные запахи и вкусы никакие машины стереть из её памяти не могли. Как хотелось, чтобы правнук это все почувствовал по-настоящему, а не виртуально. А то друзья, и те виртуальные. А как бы Витьке было хорошо в деревне! Но существует ли она ещё, а если да, то и там может быть то же самое, что и в городе?

У бабушки Зои созрел план. Когда родители Витьки вернулись из очередной командировки, бабуля взялась ныть, что, мол, старая я уже, хочу в последний раз взглянуть на родное гнездо. А чтоб ей было легче, стала родителей уговаривать отпустить с ней и Витьку.

Родители недолго сопротивлялись. В их жизни, тоже виртуальной, мало места занимало воспитание сына, и они согласились.

Самое сложное было уговорить внука. У бабушки было условие: с собой не брать никаких компьютеров. А Витька понять не мог, как это уехать куда на неопределенный срок без компьютера. А как жить там? Но бабуля была непреклонна, и ему пришлось смириться.

Скорый поезд до назначенного пункта за считанные часы домчал Витьку с бабушкой. Вышли они из вагона, поезд тронулся с места и быстро исчез за горизонтом, а двое пассажиров остались стоять среди широкого поля. У Витьки началась паника, но бабушка сориентировалась на местности, как будто только вчера здесь была. Она быстро отыскала нужную тропу, и они двинулись в путь.

Вскоре внук стал канючить, что проголодался. А она очень бодро, как будто ей было столько же лет, сколько и Витьке, шла вперед. Наконец они добрались до леса. Бабушка свернула с тропки прямо в лес и позвала за собой внука:

– Иди, посмотри, сколько здесь еды, да какой вкусной! Витька ничего не мог понять. Какая еда, кругом лес, ни одного автомата с едой. Да и все пластиковые карточки остались дома в городе.

Бабушка Зоя собрала горсть черники и протянула внуку. Тот наотрез отказался есть. Тогда бабушка стала есть сама. Она закрыла глаза от удовольствия, когда первые ягоды попали ей в рот. Как давно она об этом мечтала!

Голод взял своё. Витька не мог долго наблюдать за тем, как бабушка, сладко причмокивая, горсть за горстью отправляла в рот ягоды. «Будь, что будет!» – решил он и начал жадно хватать с веток эти черные ягоды и есть их.

До него очень быстро дошло, что ничего в жизни вкуснее этих ягод он не ел, и остановиться мальчик уже не мог. А бабушка искоса наблюдала за ним и думала:

–То-то еще будет.

(продолжение на стр. 3).

(начало на стр.2).

После вкусного обеда путешественники двинулись дальше.

Было далеко за полдень, когда вдалеке, на высоком холме, показались домишки. В низине этого холма протекала небольшая речушка Каменка. Путники подошли к ней. Хотелось очень пить. Бабушка с трудом опустилась на колени перед водой, умыла свое лицо, и, сложив руки лодочкой, зачерпнула воды и стала пить. В этот раз Витёк не стал с ней спорить, тоже зачерпнул воды в ладонь и приложился к ней губами. Приятной прохладой обдало все лицо. Ему захотелось вдруг пить и пить из этого живоносного источника. Мальчишка не мог понять, что с ним происходит.

Журчание воды, пение птиц, шелест листвы, вкус ягод произвели на него такое впечатление, что его мозг отказывался дать всему этому оценку. Нет, он знал, что такое лес, какие растения и животные там живут, что такое река, но это всё-таки в виртуальном мире, где невозможно к этому прикоснуться рукой. Невозможно почувствовать запахи.

Бабушка Зоя дернула его за руку. Витёк вздрогнул, как будто его разбудили. Бабушка показала рукой на тропку, которая вела вверх, в сторону деревни. Витька, как загипнотизированный, двинулся за ней.

Вот они подошли к одному из домов. Бабушка постучала, дверь открыла старушка. Они долго друг на друга смотрели, а потом крепко обнялись и заплакали. Это была баба Вера – бабушкина двоюродная сестра. Баба Вера впустила их в избу. В избе мало что изменилось с тех пор, как в последний раз здесь была Зоя. А прошло без малого лет 45.

Баба Вера предложила Витьке умыться с дороги, показав на умывальник и подав чистое полотенце. Он сначала долго не мог понять, как нужно это сделать. Потом, всё же умыв лицо и руки, вытерся полотенцем и чуть было не бросил его в стоящее рядом ведро, как уже использованное. Спасибо, что бабушка его вовремя остановила.

Всему его существованию было трудно окунуться в реальность, в которой он ничего не понимал. Сознание отказывалось всё это принимать, и он без всякого сопротивления плюхнулся на предложенную ему кровать. Утонув в пуховой перине и пуховых подушках, крепко уснул, даже не поужинав.

Утром Витька проснулся не от голоса будильника, который каждое утро ему сообщал время и предупреждал, что пора вставать, а от незнакомых звуков. За окном кричал петух, бляла коза, откуда-то доносились странные звуки металлической цепи.

Наконец-то в дом вошли баба Вера и бабушка. Баба Вера заметила, что внук уже проснулся, и предложила ему умыться и садиться за стол позавтракать. С умывальником Витька уже был знаком, но вот когда баба Вера взяла какую-то рогатину и сунула её в печку, а потом оттуда стала доставать какие-то предметы, Витька не сразу понял, что сейчас будет. Она один из предметов, это был чугун, поставила на подставку на стол. Открыла крышку, и по дому пополз аппетитный запах какой-то еды. У Витьки закружилась голова, он понял, что голодный.

На дворе был двадцать второй век. Людям не нужны были печки. Они привыкли еду получать из автоматов уже готовую. Более молодое поколение даже не представляло, что её нужно как-то из чего-то варить. Например, про коровье молоко многие могли сказать, что это выжатый из коровы сок. Поэтому, когда Витьку стали потчевать рассыпчатой кашей с домашним маслом, горячими блинами с вареньем и теплым молоком, он ещё не знал, откуда что берётся.

В деревне Витька с бабушкой прожили две недели. У мальчишки было такое чувство, что они с бабушкой попали в сказочную страну. Для себя Витька сделал столько открытий, причём без компьютера, что казалось, ему не хватит жизни, чтобы переработать в своем мозгу всю информацию. Оказывается, яйца не делают в пищевом цехе, их несут куры. Огурцы, лук, морковку нужно сначала посадить, ухаживать за ними, а потом, когда всё вырастет, убирать урожай. Это можно будет есть. Воду из колодца нужно достать ведром, которое привязывают к длинной цепи. А с собакой и кошкой можно играть и разговаривать.

День за днем, незаметно пролетело время, пора возвращаться домой. Витька знал, что никогда не забудет дни, проведенные в деревне. Он дал себе слово снова сюда приехать.

Валентина Федотова, 13 лет,
Андреаполь

• Новое имя

Лидия Гомзякова**Тверь**

Стихи Лидии в нашу газету передал Валерий Кириллов. Хоть бывать в нашем городе автору не привелось, с некоторыми нашими поэтами она знакома по Каблуковским литературным встречам. Её творчество отличает ярко выраженная гражданская позиция.

ПОСТСКРИПТУМ

Союз серпа и молота
разорван в пух и прах.
Пшеница цвета золота
зачахла на полях.
В томленьи века душного
не колосится рожь.
И человека русского
не ценят даже в грош.
Прилавки с треском ломаются –
товар заморских стран.
А свой мужик хоронится
презрением погран.
Былые тембры голоса
никто не повторит.
Полей без льна и колоса
вам время не простит.

ВЫСТОИМ!

Вам не сломить присущего нам духа,
и санкции нам тоже не страшны.
Затянем ту же алчущее брюхо
и как-нибудь дотянем до весны.
А там смотри на землю веселее,
она тебе кормилица и мать.
Бери лопату, силы не жалея,
пришла пора и сеять, и пахать.
И не пугайся, коли под ногою
земля, как вопль покинутой вдовы,
почти мертва. Не ты тому виною!
И рыба гнивает с головы.
Инфляция – гроза для частных банков.
Пусть плачут о потерях господ.
Но для сельчан без званий и без рангов
не страшен будет кризис никогда.
Вставай, земляк, согрей дыханьем поле,
оно тоскует по твоим рукам.
С землёй сродниться – дело не простое,
но всё по силам русским мужикам.

ПОЗИЦИЯ

Я не пела тому дифирамбы,
Кто посмел человека забыть.
Не хотела использовать гаммы,
Чтобы чёрное белым закрыть.
Заносила вразброс на скрижали,
Авторучкой по строчкам скользя,
Только то, что перечит морали,
Только то, с чем мириться нельзя.
Коль грозит затяжное ненастье,
Жечь глаголом сердца – наш удел.
Но вот Чёрный король силой власти
Голос мой заглушить захотел.

КАЗНЮ СЕБЯ ЗА НЕМОТУ

Бывает, в споре ты сражён
нападками нежданной брани.
Факт нарочито искажён
в угоду крупносортной дряни.

В ответ невнятное мычишь,
как будто проглотил монетку.
И рвётся сердце, словно чиж,
которого загнали в клетку.

Казнишь себя за немоту
и за растерянность не к месту.
Язык пластом размяк во рту,
подобно сдобренному тесту.

Слова-штыки придут потом
и хлынут яростным потоком.
Ты размахнёшься кулаком...
Постой! Уж ночь! И муж под боком!

РУКОТВОРНАЯ РАДУГА

Вот и всё. Я своё отыграла.
Ухожу в золотистый закат.
Семь написанных книг – ведь немало! –
семь пытливых и честных ребят.

Ухожу, а они остаются
отраженьем минувшего дня.
Семицветной дугой разольются,
если кто-нибудь вспомнит меня.

Чуть приправлены перцем и солью.
отмахнётся от них лишь урод,
незнакомый с мучительной болью,
что несёт на плечах мой народ.

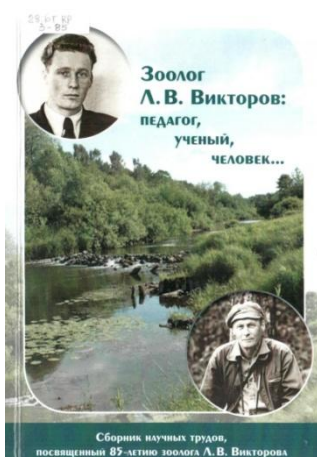
Я писала, простите, не сагу
и не сказку из света и тьмы.
Это время легло на бумагу,
в этом времени были и мы.

• **Новые книги: предлагаем, рекомендуем.**

«Журавли солдатской памяти» – так называется новая книга, подготовленная работниками Андреапольского краеведческого музея и выпущенная при поддержке районной администрации. Книга включает материалы, охватывающие 25-летнюю историю деятельности поискового отряда «Подвиг». В основе её лежат публикации в периодической печати разных лет, а также фотодокументы, дневники отряда, письма и другие материалы.

Уже при беглом знакомстве понятно, что собранные в ней материалы бесценны. Читатель не только погрузится в атмосферу работы и жизни ребят в полевых поисковых лагерях, делающих такое важное дело, но и прочувствует душевный настрой как поисковиков, так и родственников солдат, многие годы значившихся среди пропавших без вести.

«Это издание будет жить долго, – сказала на презентации сборника руководитель проекта, член Союза журналистов России Н. Е. Баранник, – потому что в нём огромное количество имён».

ГИМН СТУДЕНТОВ

*Как звезда Галактики
В нашей жизни практика,
Практика студентов биофака.
Целый день мы ходим,
По болотам бродим.
Ищем зоофакты и следы.*

Так начинается сборник научных трудов, посвящённый 85-летию зоолога Л. В. Викторова. В предисловии к книге есть такие слова: «Выражение «человек интересной судьбы» известно с давних пор. К таким людям, прославившим нашу Тверскую землю, можно отнести Викторова Леопольда Васильевича – зоолога, педагога и учёного».

К нашему городу книга имеет самое прямое отношение, так как родился Викторов в августе 1929 года в Андреапольском районе. Правда, точно не известно в самом ли городе или на одном из лесоучастков, где в те времена работал его отец – Василий Дмитриевич Викторов, лесничий по профессии. Кстати, родные учёного будут благодарны тому, кто поможет уточнить место его рождения.

Книга была представлена в районной библиотеке дочерью учёного Мариной Леопольдовной Звездиной и одним из преподавателей Тверского университета.

Полезной она может быть не только всякому любопытному читателю, но преподавателям и учащимся школ, увлекающимся вопросами зоологии. А такие в наших школах есть.

А автором гимна, помещённого в начале сборника, является тоже Л. В. Викторов. Согласитесь, родиться на андреапольской земле и не попробовать себя в поэтическом творчестве – было бы как-то неправильно.

И ещё одной книгой отметились андреапольцы. На сей раз – это сказка нашей землячки Татьяны Лапко под названием «Ландыши для инопланетянина». Это красочное издание со множеством рисунков. Действие сказки происходит на ландышевой поляне, которая представит детям множество героев из животного мира и существ, выдуманных автором.

Сюжет сказки интересен и разнообразен. В почти самый обыкновенный лес прилетает инопланетянин Пинарь и сразу оказывается вовлечённым в большую интригу Лисы и Волка.

Детям книга, наверняка, будет интересна. В нашей библиотеке она есть в единственном экземпляре как подарок автора.

• Молодые голоса

Артем Виноградов

Нелидово – Москва

ПИСЬМО ГАМЛЕТУ

Быть или не быть,
Вот в чем вопрос.
Довольно, Гамлет, рассуждать о смерти!
На философию упал сегодня спрос.
Здесь, принц, мне лучше на слово поверьте.
Теперь в почете секс, бурбон, вино,
Текила, суррогатный виски,
Кинематограф, рухнувший на дно,
И песни под гитару по-английски.
Последнее – неплохо, милый принц,
Сам подпевать люблю им иногда,
Особенно среди знакомых лиц,
С которыми я не разлей вода.
Друзей хороших мало, что сейчас,
Что в ваши непростые времена.
Пора бы научиться отличать,
Где брат, где друг, где просто старина.
Я в дружбе, принц, не клялся никогда.
Подобный шаг сродни любовным клятвам.
Сродни тому единственному «да»,
Что вопреки судьбе и миру – свято.
Я о любви не стану говорить,
Вы сами много в жизни повидали
За горстку лет. И некого винить,
Что в этой пьесе большего не дали.
Пора прощаться, в сумерках стена,
Перу лишь лампа освещает путь.
За Вас бокал злосчастливого вина
Я выпью! И попробую уснуть...

P.S. Мой принц, Офелию просите
Меня в ее молитвах помянуть...

Артём Леоненков

Белый – Москва

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Что есть война, подскажите,
я ведь не знаю об этом.
Как обрываются нити
по предсказуемым сюжетам.

Как поцелуями страстными
щёки украсит напалм,
И как кровавым кашлем
разорвёт пополам.

Боль, как бывалая проститутка,
Знает своё ремесло,

Будет лишать рассудка
тихо, без слов,

И шарфы из колючей проволоки
обернутся кругами на шее,
И дубовые гробики
лягут рядом в траншее.

Как будет спать правителю,
отправляющему на убой,
Как зарыдают обитатели
безутешной вдовой.

Я хотел бы сбежать подальше,
закопаться в глубинах детства,
чтобы было так же, как раньше.
Но от этого некуда деться:

Смерть лёгкой поступью
подведёт с улыбкою к краю
и кривыми пальцами острыми
подтолкнёт в объятия рая.

Лиза Линкевич

Андреаполь

* * *

Я раздаю всем счастье, торопитесь!
Осталось мало, ну совсем чуть-чуть!
Ну что ж вы грустные такие, улыбнитесь!
Всё будет хорошо когда-нибудь!

Я вас прошу в своё поверить счастье,
Как в солнца луч, как в утренний рассвет –
Оно поможет при любом несчастье
Не верить в то, что выхода здесь нет.

Пусть счастья огонёк вас согревает
Такой весенней нежной теплотой,
Что самый-самый-самый лёд растает
Холодной вьюжною и снежною зимой!

Ах, неужели счастье вам не нужно?
Неужто, право, что-то есть важней?
Не надо отворачиваться дружно,
Ведь я отдам другим, кому нужней...

* * *

Подарите нежность,
Если Вам не жаль.
В голосе небрежность –
На душе печаль.

Подарите сами,
Как бы от себя –
Ласково глазами
Улыбнусь, любя.

• К 70-летию Победы!

* * *

И тридцать, не забудем, тридцать
 Осколков вражеских в груди,
 Но сердце продолжает биться
 И отдает приказ: дойти.
 Дойти, пусть лёгкие пробиты,
 Пусть в баках пусто, стал
 мотор...
 Законам всем наперекор
 Шёл на посадку истребитель.
 Со смертью продолжая спор,
 Всё создавая, не в слепую,
 Меж сосен, елей и берёз
 Он на прогалину лесную
 Пришёл, не выпустив колёс.

Владимир Бегичев,
 Андреаполь

* * *

Мы внуки тех, что уходили в бой
 В июне сорок первого, в начале.
 Но мало кто из них пришёл домой.
 Родные похоронки получали.

Два деда! Вы остались на войне,
 И мне всю жизнь вас остро не хватало,
 А эхо той войны пришло ко мне,
 Связь поколений в узел завязало.

Проходит лето, осень и зима...
 Так семь десятков лет прошло по кругу.
 Лежат в земле Владимир и Кузьма,
 Не чувствуя ни зной, ни дождь, ни вьюгу.

И тридцати вам не было тогда.
 Остались вы навечно молодыми,
 А, между тем, бегут, бегут года,
 И внуки ваши сделались седыми.

А правнуки так быстро подросли.
 Вот и они качают колыбели.
 За мир, любовь и жизнь вы в бой ушли,
 За это всё – своей не пожалели.

Раиса Земскова,
 Нелидово

БАБУШКИНЫ УРОКИ

– Что на войне испытывал герой,
 Теряя жизнь, товарищей в бою?
 И много ль их, отечественных войн? –
 Спросила внучка бабушку свою.
 В кастрюльке грелось мирно молоко,
 И птицы щебетали за окном,
 Светило солнце нежно, широко,
 И пахло мятой в домике родном.
 – К чему спросила? – бабушка с плиты
 Сняла кастрюльку, чуть не обожглась. –

И о войне зачем заговорила ты?
 Давай-ка лучше наедемся всласть.
 Вот скоро кашка в печке подойдёт!
 – Постой ты, бабушка, ответь сначала мне,
 Как встал с врагом на битву весь народ?
 Наверно, врут те книжки о войне?
 Так не бывает, чтобы лёг солдат
 На амбразуру, как Матросов лёг?
 А почему забыл он автомат?
 А почему так жизнь он не берёт?
 А где снаряды, самолёты где? –
 Всё говорила внучка горячо,
 Не замечая сковородки на плите
 И блинчиков не требуя ещё.
 Вдруг бабушка замялась, молока
 Кастрюльку отодвинула от них,
 И уголочком фартука слегка
 Коснулась глаз небесно-голубых.
 Присела, наконец, произнесла:
 – Твой дедушка – Михайлов Валентин...
 Назад из тех, кто призывался из села,
 Обрато не вернулся ни один.
 Нам похоронку через месяц принесли
 С единственным письмом на пару строк,
 Где он писал, как ждёт цветенья слив,
 Как нежен у ромашки лепесток,
 И признавался, словно тяжкий груз
 Пытался сбросить, словно чёрный рок:
 «Быть может, я отсюда не вернусь,
 Но к мирной жизни сделаю шагок.
 Мы победим, мы всё же победим,
 У нас на всё и всем достанет сил».
 С тех пор всегда я говорила с ним
 И знала, что он солнцем приходил,
 Весенней лаской, свежестью зимы,
 Он приходил за каждый мирный стол.
 Он не вернулся, чтобы были мы,
 Для этого он, внученька, ушёл.
 Пускай мы ели с лебедою квас,
 Работали до ночи, не забыть,
 Что кто-то пал не за себя, за нас
 И надо жизнь его в своей ещё прожить.
 Умолкла бабушка устало за столом,
 Задумалась о ясном, тихом дне,
 Притихла внучка с голубым бантом,
 Сжимая крепко книгу о войне.
 – Потом я приготовлю нам компот, –
 Сказала бабушка. Но внучка ей в ответ:
 – Ты расскажи, как шёл солдат на дзот,
 Ты расскажи, что смерти для героев нет.

Татьяна Лапко,
 Андреаполь – Великие Луки

- Письма многое хранят

АХ, ВОЙНА, ЧТО Ж ТЫ, ПОДЛАЯ, СДЕЛАЛА...

Эти письма нашла в маминой сумочке пять лет назад, после её смерти. Были они от её двоюродной сестры Жени, в девичестве они носили одну фамилию – Рихтер – и были необыкновенно дружны, потому что жили практически одним домом. Их отцы, родные братья, обосновались на хуторе Авиново, расположенном недалеко по деревенским меркам от Серёжина и Холма. Так бы, наверное, и жили, растя детей, из поколения в поколение обрабатывая землю в российской глубинке, куда когда-то за лучшей долей перебрались их прадеды и деды из далекой Саксонии и Эстонии. Если бы не тридцать восьмой год: повальное раскулачивание совсем не богатых (лошадь и корова в

хозяйстве) людей, высылка семьи Жениного отца, скитание по огромной стране и многолетняя тоска по родным местам:

«Я всё не спрошу тебя, Эля, где вы жили во время войны, ещё в Авинове или нет? От тётки Лизы было письмо. Пишет, ездила на наш хутор, где мы все жили. Всё заросло кустраником, лесом, от аллеи осталось мало, всё старое ветром повалено. Эля, а мне так хочется побывать там, где мы когда-то бегали босиком по траве, собирали бруснику возле гумна. Почему там даже не пацуют? Или нет близко колхоза? Если не умру, всё равно я когда-нибудь туда поеду. Конечно не одна, с детьми. Кто-либо поедет со мной. Где-то там и подружка моя – Зина Быстрова – живёт».

О письмах снова вспомнила, когда начались события на Украине, потому что были они писаны в конце восьмидесятых из Лисичанска, где Женя и жила в ту пору у младшей дочери. Перебирая старые странички, наткнулась на воспоминания о войне Великой Отечественной. Слышала и раньше, что у этой маминой сестры, светловолосой красавицы, были близнецы, рождённые от польского не то офицера, не то солдата, работавшего вместе с ней где-то в Сибири. Но подробностей не знала, о тех событиях раньше больше молчали.

И вот оно, письмо:

«Эля, годы прожиты. А как? Боже мой, Боже! Бедная моя мама, царство им всем, покойным, небесного: и мамочке, и Тихону Семёнычу, моему второму мужу. Она мне всё говорила:

– Не выходи, деток (Элю и Роберта, моих близнецов) мы тебе поможем с папой вырастить, их выучить.

А я маму не послушалась. Годы-то молодые. С первым я только год, даже года не жила, а месяцев десять. Он был из города Лодзь (Польша). Тож же в трудармии. Вот и вышла после окончания войны в июле 45-го. А вскоре прошёл слух, что их будут на родину отправлять. Вот я и потеряла покой.

Да жизнь-то какая там была. Жили в бараках: женщины в одном конце, мужчины в другом, перегородка стояла посередине. А они, начальство, в конторке. Мой Михаил – завскладом был. Да какой там склад, маленький... В общем, заведовал на участке, где мы работали, «Землянки» назывался. Участок в шести километрах от станции Богандинская Тюменской области, в лесу, кругом болотца. Лес сосновый, место красивое, но тогда не до красоты нам было.

Нас очень худо кормили: 400 грамм хлеба на сутки и там... суп, турнепс тушеный на второе по карточкам давали. А денег вообще не платили, там рубля два-три за месяц... Так и в столовую мало было заплатить, хоть и копейки стоил тот же суп.

Когда мы приехали, вернее, из Омска нас 7 человек туда с сопровождающим отправили, сопровождал еврейчик Кац, он, наверное, своим, где они жили на частных квартирах, и сказал, что привёз девчат. Ну вот они-то, мужички, годами все постарше нас были, видно, и искали встречи. Парня только два были.

А мы поначалу в лесу работали. Ребята пилили лес, а мы сучки обрубали и жгли. А снега там ужасно глубокие, по пояс. Бурки давали нам – обувь, брюки ватные и фуфайки, всё белое. Попробуй целыми днями в снегу лазать, ноги мёрзнут. Позаболели все мы.

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Потом отправили на шпалозавод, километров за 10, на станцию Винзили. На заводе месяца три или четыре проработали, тресту нашему в Омске нужны были шпалы. Вот мы и зарабатывали шпалы.

Однажды приехали со станции нашей Богандинской, выстроили будку-временку и стали нас лучше кормить: выдавали суп, кашу, хлеба большие. Вот тут-то он и увидел нас. Их было трое, один варил, видно.

Мы жили на частной квартире, много человек, девчат – десять. За едой ходили по очереди (котелки-чашки на двоих). Я с Марией Классен. Вот она приходит однажды и приносит супу целый котелок, каши тоже много. Я и глаза вытаращила, а другие девчата смотрят и шутят, мол, вам по благу, видно, столько дали. А мне Мария тихо и говорит после: «А тебя, Женя, там спрашивал какой-то, почему не пришла?» Вот это и было наше знакомство на той станции зимой 44-го».

О трудармии что-то, кажется, слышала прежде, но пока это меня лично не касалось, не задумывалась по-настоящему. Интернет прояснил суть этой структуры: «Временные трудовые коллективы были созданы в годы Великой Отечественной войны в виде рабочих батальонов, включенных в систему НКВД и МВД СССР. Отдельные трудовые коллективы продолжали существовать и в послевоенное время.

Формально все мобилизованные считались свободными людьми, которых защищали советские законы. Но на деле их жизнь регулировали декреты, инструкции и положения Комитета обороны. А контроль за мобилизацией и содержание возлагались на НКВД. Работали трудящиеся на добыче полезных ископаемых, лесозаготовках и в строительстве.

Советские этнические немцы во время Великой Отечественной войны считались особенно неблагонадежными. Именно поэтому они составили основную часть мобилизованных в трудармии».

Что ж, у маминой сестры повод там оказаться был: по матери – из эстонцев, по отцу – немка. Каким образом туда попали поляки, можно лишь догадываться.

Но и в этих условиях жизнь брала своё, люди, не думая о национальностях, войне, НКВД, влюблялись, заводили семьи, рожали детей. Об этом и в найденном мной письме.

Мамы теперь нет, подробнее расспросить о продолжении этой истории некого. А родовые связи в нашем поколении, к сожалению, прервались. Хотя, вспоминаю теперь слышанное раньше о том, что поляка того куда-то отправили. Он, любивший свою красавицу Женю, говорил, что разыщет её непременно, что бы ни случилось. Но она больше ничего никогда о нём не слышала. А детей Михаила (скорее всего, имя переименовано на русский лад) из польского города Лодзь растил русский чиновник средней руки, которого Евгения иначе как Тихон Семёнович не называла.

Письма к моей маме от сестры Евгении перестали приходить в девяностом, вероятно, её не стало. Написав несколько запросов по адресу, указанному на конверте, и не получив ответа, мама попытки прекратила. Тогда мы ещё были одной страной, и в страшном сне никому из нас не могло присниться то, что сегодня там происходит. Ни мама моя, ни сестра её, слава Богу, не узнали, что снова по улицам Лисичанска разгуливают люди со свастикой. Там опять стреляют и гибнут люди.

А я сегодня с тревогой думаю о том, кто же из моих кровных родственников остался в тех местах? И когда в сетях прочла сообщение о гибели юной девушки-снайпера из Лисичанска по имени Женя, защищавшей Донбасс, вздрогнула сильнее обычного. Наш род отличался зорким глазом, я и сама когда-то очень недурно стреляла из «мелкашки». По возрасту она как раз могла быть правнучкой той самой Жени, родившейся в 1924 году, чьи письма я так внимательно перечитываю, словно пытаюсь разгадать какую-то тайну. А в сознании при этом то и дело всплывают мотив и слова песни Булата Окуджавы: «Ах, война, что ж ты, подлая, сделала: вместо свадеб — разлуки и дым!».

Маргарита Петрова,
Андреаполь

На снимке: Евгения Рихтер (Кондратьева) во втором ряду справа, её семья и дети. Фото 1951 года.

•
К Дню
города!
•

Под фотографией старинного Андреапольского вокзала, выложенного в «Одноклассниках», увидела стихотворение без подписи, которое так точно отражало картинку из прошлых лет, что захотелось отыскать автора. Написала там же, в сетях:

Татьяна, увидела под фото Андреапольского вокзала вашу запись со стихом об Андреапольском вокзале. Это чей текст? Не вы ли автор? Дело в том, что мы при библиотеке выпускаем литературно-краеведческую газету «Светлячок». Я её редактор. Почитать газету можно, набрав в поисковике: Литературно-краеведческая газета Светлячок. Там выложены все номера. И этот текст нам бы очень пригодился, а если вы ещё и пишете стихи, пригласили бы вас как автора сотрудничать с нами. Жду вашего письма.

И письмо пришло:

Добрый день! В связи со сложившимися обстоятельствами на ваше письмо отвечаю позже. Маргарита, это стихи мои, я их написала в добрую память о родном городе – Андреаполе, где бываю очень редко, к сожалению. С удовольствием почитаю вашу газету, спасибо вам.

Стихи свои пока нигде не печатала, пишу как бы для души. Пишите, если не потеряли ко мне интерес.

Интерес мы, конечно, не потеряли. Наоборот, обрадовались новому автору. Надеемся, что мы ещё сможем представить вам страничку, возможно и не одну, с её стихами. А пока то самое, о вокзале, с которого и началось наше общение.

М. Петрова

**Татьяна
Головкина
(Булкина)**

Андреаполь – Калязин

АНДРЕАПОЛЬСКОМУ
ВОКЗАЛУ

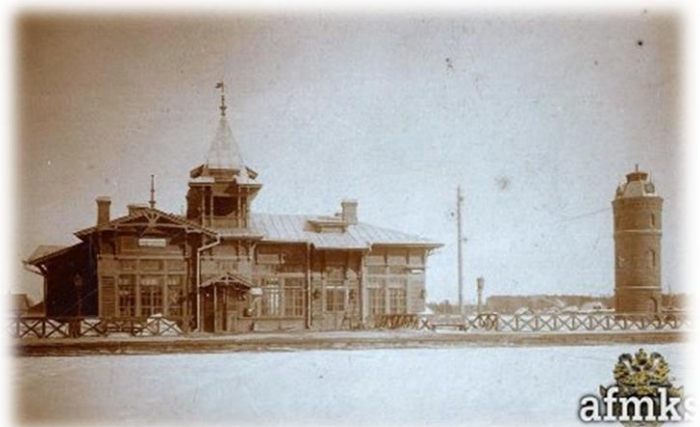
Я вспоминаю андреапольский вокзал – забыть об этом просто невозможно. Он был для нас началом всех начал. И сердце билось радостно-тревожно.

Казалось, места оживленной нет: высокое крыльцо, открыты двери, киоск, два зала, касса и буфет... И Миша-дурачок в своей шинели.

Как будто уезжаешь в никуда... Второй звонок – и ты уже в вагоне. И детство остается навсегда на старом андреапольском перроне.

И проплывают мимо фонари и памятник советскому солдату... Я буду вечно помнить, хоть умри, его фигуру с черным автоматом.

Теперь затишье, мало поездов. И люди нынче пересели в авто. Но как мне хочется вернуться вновь в то время из сегодняшнего завтра!

На снимках: автор стихотворения; снимки андреапольского вокзала в разные периоды (фото прошлых лет).

• Новое имя

Здравствуйте, редактор! Меня зовут Антон Лукин. Мне 29 лет. Родился я и проживаю в прекрасном месте, селе Дивеево Нижегородской области. Пишу рассказы и сказки. Посылаю Вам небольшую подборку сказок, надеюсь, Вам что-нибудь, понравится. Также посылаю Вам сказки моего отца – Михаила Малышева. Его давно нет с нами, но остались его сказки: добрые, поучительные. Ведь пока читают автора, он всегда будет жить в своих произведениях.

С уважением
Антон Лукин

От редакции. Вот такое письмо получили мы недавно по электронной почте. Почитали присланное. Нам понравилась искренность молодого человека и то, с какой добротой к окружающему миру относятся герои его рассказов и сказок. Пусть он никогда не бывал в наших краях, а по нашим неписаным правилам публикуем мы материалы авторов как-то связанных с нашим краем, нам захотелось этим правилом пренебречь.

Не судите нас строго, у нас есть оправдание: если человек в безграничном информационном море интернета выбрал именно наш «Светлячок», разве он нам чужой.

Но начнём мы публикации из Нижегородской области с одного из рассказов его отца (на снимке), «добрых и поучительных», как совершенно справедливо характеризует его Антон.

САШИН ПОДАРОК

В канун Нового года пятилетнему Саше мама принесла с работы подарок. Сколько всяких сладостей таил в себе целлофановый мешочек! Саша долго любовался подарком, вертел его и так, и сяк, прежде чем решился развязать красивую голубую ленточку. И когда содержимое пакета с приятным шуршанием посыпалось на стол, Саша даже глаза зажмурил...

Каких только тут конфет не было! Разноцветные карамельки и пахнущие шоколадом «Кара-Кум» и «Мишка на севере», квадратики ирисок и пакетик круглых, как горошек, драже, леденцы лежали рядом с похожими на маленькие мешочки трюфелями. Ко всему этому в подарке еще имелись печенье, шоколадка и два мандарина.

– Теперь мне надолго хватит», – подумал Саша и стал делить подарок.

– Две карамельки, ириску и «Кара-Кум» я съем сегодня. Половину пачки драже и леденец – завтра после завтрака. Мандарин, полшоколадки и еще одну ириску – после обеда, оставшееся драже, «Мишку на севере» и... еще один мандарин – после ужина. Ух! Устал даже. Ладно, потом доделю, а сейчас съем сегодняшнюю порцию и лягу спать.

Так он и сделал. Даже мама порадовалась, когда увидела, что Саша вовремя и без капризов лег спать.

И приснился Саше удивительный сон, где он увидел всех своих родных. Первым Саше приснился дед. Строгий, в очках, он, как обычно, находился в своей мастерской – что-то строгал, пилил, сколачивал. Вот и сейчас он был занят тем, что мастерил внуку из куска дерева корабль, который они потом вместе опустят в быстрый весенний ручей. «Хорошо иметь такого деда», – думал Саша.

...Потом Саше приснились бабушка и мама. Бабушка хитро улыбается и достает из сумки мороженое. Это означает, что она получила пенсию. Мама тоже хитро улыбается и что-то прячет за спиной. Что же это может быть? Ну конечно же, это новая клюшка! Очень нужная покупка. Хорошо иметь такую маму и бабушку!

Потом Саше приснился папа. Папа, правда, не покупает Саше мороженого и не дарит клюшки, но зато он всегда ремонтирует его игрушки. Вот и сейчас папа занят тем, что устраивает рычажок в недавно поломавшемся подъемном кране. Хорошо иметь такого папу!

(продолжение на стр. 12)

(начало на стр. 11).

А еще у Саши есть старший брат. И он тоже приснился. Приснился как раз тот счастливый момент, когда брат перешел во второй класс и подарил Саше всех своих оловянных солдатиков, включая и пластмассовых матросиков. Хорошо иметь такого старшего брата. Ох, как хорошо!

Больше у Саши родственников нет, и он просыпается. Некоторое время Саша еще лежит в кровати, вспоминая свой удивительный сон, потом встает и подходит к столу, где лежит подарок. Саша долго смотрит на конфеты, снова вспоминает свой сон и начинает по-новому делить подарок.

– Две карамельки, ириску и печенье я подарю маме, – вслух произносит он. – Половину пачки драже и леденцы – папе, мандарин и полшоколадки – бабушке, второй мандарин и вторую половинку шоколадки – дедушке, ириски и «Мишку на севере» – брату. Саша с улыбкой смотрит на оставшиеся две карамельки.

– А это уж мне, – говорит он.

Подарок снова поделен, снова разложен на столе маленькими кучками. Саша берет две оставшиеся карамельки, отходит от стола и облегченно вздыхает. «Ну вот, – думает он, снова вспоминая свой сон. – Теперь и мама, и папа, и бабушка с дедушкой, и старший брат непременно подумают: «Как хорошо, что у нас есть Саша».

Михаил Малышев

• Нам пишут

О «Ночках...»

Здравствуйте! Приезжал Артем, мы вместе с ним читали «Бессонные ночи...». Не написала сразу потому, что хотелось прочитать очень внимательно.

Книга, несомненно, понравилась. На наш с Темкой взгляд, эта книга отличается от других сборников тем, что писали ее единомышленники, люди очень тесно связанные. Стихи перекликаются, один автор отвечает другому. Такое почти родство очень заметно и приятно. Есть и серьезные стихи, есть и с юмором. Читается легко. Конечно, каждый автор индивидуален при этом.

Артем увёз два экземпляра в столицу – себе и другу. Я уже парочку подарила нашей библиотеке. Хотелось, чтобы и в дальнейшем эта дружба между поэтами нашего края продолжалась и вышли бы новые книги.

А вы с Наташей Ивановой проделали огромную работу. Вам отдельное спасибо. Так что вот так как-то, как скажет мой Тема.

Людмила Леоненкова,
Белый

Впечатления с прогулки

Так после обеда мутно в голове стало, решила прогуляться по свежему воздуху. Маршруты выбираю дальние, в частный сектор (хотя собак изрядно побаиваюсь). На этот раз – за нашу речку Семиковку.

Возвращалась по мосту; на берегу забор установлен, а на нём крупными корявыми буквами написано: "Я люблю Лильку". Рядом – ещё крупнее: "А я люблю сиськи!".

Всякий раз, когда вижу это признание (такое честное и откровенное), смеюсь. Действительно: "Кто сам без греха, пусть бросит ... камень". Вряд ли найдутся желающие это сделать.

Жизнь! Какая она есть.

Светлана Виноградова,
Нелидово

(начало в №3 (24)-12(33); 1 (34)-12 (45); 1(46)-5(50).

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

О детях

Как я уже говорил, с развлечениями в Орловке было негусто. В то же время, долгие зимние вечера, в которые так часто отключали в гарнизоне свет, и холодные зимние ночи, когда лучше всего согреться вдвоём под одеялом, создавали для орловцев практически идеальную атмосферу для того, чтобы заняться достаточно приятным процессом размножения. И ждал бы Орловку нешуточный демографический взрыв, но...

Но большое расстояние до ближайшего роддома, до ближайшей больницы и до ближайшей детской поликлиники, перманентные нешуточные проблемы с транспортом, ещё больше увеличивающие эти расстояния, а также недостатки продуктового снабжения, когда в городке практически невозможно было купить ни молока, ни мяса, ни свежих овощей и фруктов, заставляли многие семейные пары воздерживаться от обзаведения потомством.

Таким образом, все семьи в Орловке почти поровну делились на два типа: на тех, кто, опасаясь за здоровье своих детей, откладывал вопросы деторождения в дальний ящик, и на тех, кто, наоборот, считал, что лучшего места для делания детей, чем глухой отдалённый гарнизон, им уже не найти.

К последним относилась и семья капитана Белова. Её даже можно смело назвать эталоном этого типа семей.

Капитан Белов приехал в Орловку в 86-м году, уже имея на руках двух малолетних дочерей.

Для большинства семей этого бы было вполне достаточно, но капитан Белов был не из таких. Капитан Белов хотел сына.

За последующие три года в семье Беловых родились ещё три ребёнка. Все – девочки.

Для того, чтобы зачать долгожданного мальчика, супруги Беловы, кажется, перепробовали все мыслимые и немыслимые способы и средства. Они то подходили к делу с сугубо научной точки зрения и тогда пользовались специальными древнекитайскими или современными японскими таблицами, с помощью сложнейших формул высчитывали, чья кровь в данный момент «моложе», и месяцами сидели на различных тошнотворных диетах. То ударялись в народные приметы и тогда тащили в постель различные «мужские» вещи: топор, пилу, грубый неотёсанный камень; перевязывали жене ниткой мизинец на левой ноге, а мужу – простите за пикантную подробность – левое яичко; надевали на мужа перед «этим делом» меховую шапку, а на жену – мужскую рубаху; делали ребёнка при полной луне и ложась головами на север. Но, увы, ничего не помогало.

Если в какой-либо семье рождался сын, капитан Белов был уже тут как тут, стараясь выудить у счастливых родителей тайну зачатия мальчика.

Большинство орловцев с пониманием относилось к проблеме Беловых. Многие из нас, приезжая с «большой земли», старались привезти для них какой-нибудь новый, ещё неслыханный метод «сыновьего» зачатия...

Однажды мы сидели в «кунге», ожидая отъезда на аэродром. Шлёпали карты, тёк вялый послеобеденный разговор. Сидящий недалеко от меня капитан Белов вновь жаловался на судьбу, не желающую осчастливить его наследником. Его нытьё, вероятно, надоело сидящему через проход Серёге Дьяченко, который был соседом Белова – жил в квартире этажом выше – и у которого, кстати, было два сына.

– Послушай, – сказал Дьяченко, откладывая в сторону карточную колоду, – что ты всё время ноешь? Есть же совершенно простой и надёжный способ. Девяносто девять процентов! Ты что-нибудь знаешь о «Методу швабры и мыла»?

– Нет! – встрепенулся Белов, о таком экзотическом методе он явно ничего и никогда не слышал. – А что за метод такой? Что для него надо?

– Мыло для него надо. И швабра, – лаконично пояснил Серёга. – Достаточно элементарный метод. Что, точно никогда не слышал?

– Да нет же! – вскричал заинтригованный Белов. – Рассказывай!

Капитан Дьяченко помолчал.

– Бутылка армянского, – наконец назначил он цену. – Пять звёздочек... Нет! Две бутылки!

– Давай, рассказывай! – взмолился Белов, он не собирался торговаться – за сына он был согласен на всё.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

– Значит, так... – обводя глазами притихший «кунг», медленно начал Серёга. – Запоминай! Понадобятся: швабра – деревянная, желательна подлинней, и мыло – желательна какое-нибудь поароматней...

– «Земляничное» подойдёт? – горя глазами, уточнил Белов. – У меня есть «Земляничное»!

– «Земляничное»?.. – задумался Дьяченко. – Да, пожалуй, «Земляничное» подойдёт...

– Ну! Дальше! – заёрзал от нетерпения Белов.

– Спокойно! – осадил его Серёга. – Не надо сучить ногами. Ты бы лучше всё это дело записывал. А то потом перепутаешь что-нибудь, а скажешь, что я виноват...

– Да не перепутаю я! – Белов был весь внимание. – Рассказывай давай!

– Ну, ладно, – смилостивился Серёга. – Коль не перепутаешь... – он прищурил глаз и потёр мочку уха. – Значит, так. Слушай внимательно... Берёшь, значит, перво-наперво, мыло. Как ты говоришь, «Земляничное»... И моешь им свою жену. Моешь тщательно. Ничего не пропускаешь... Да! – вспомнил он. – Луна ещё должна быть! Как же я про луну-то забыл?!

– В какой четверти? – тут же деловито уточнил Белов – в вопросах определения лунных стадий он уже был большой дока.

– В какой четверти?.. – задумчиво потёр мочку другого уха Дьяченко. – Да без разницы, в какой четверти! Просто на небе в это время должна быть луна... Так вот. Дожидаешься луны, берёшь мыло, «Земляничное» это своё, и моешь им жену... Моешь, потом вытираешь. Насухо... – Серёга взял паузу.

– Ну! А дальше?! – не выдержал заинтригованный Белов. – Дальше то что?!

– Дальше? – Дьяченко широко улыбнулся. – Дальше – проще. Берёшь швабру, стучишь в потолок, я спускаюсь и делаю тебе сына.

Дружный хохот сотряс «кунг». Белов несколько секунд медленно хлопал глазами, потом побагровел и кинулся с кулаками на Серёгу. И честное слово, если бы не теснота, капитану Дьяченко пришлось бы очень туго...

А спустя год, будучи уже в Германии, я узнал новость, которая, впрочем, не стала для меня такой уж новостью: в семье – на тот момент уже майора – Белова родилась шестая дочь...

Но это всё так – вокруг да около.

Что же касается самих детей, то тут, пожалуй, будет уместен только один вопрос: отличались ли орловские дети от всех остальных детей? Было ли в них что-либо особенное, специфически орловское?

С точностью я на этот вопрос ответить, скорее всего, не смогу. Отчасти оттого, что никогда не задавался им, находясь непосредственно в Орловке. Отчасти потому, что сам не обзавёлся детьми, два года живя с женой в этом гарнизоне.

Но, мне кажется – мне сейчас так вспоминается, – что что-то такое-этакое, что-то сугубо орловское в наших детях всё-таки присутствовало. Может быть, это была некая отчаянная раскрепощённость. Может быть, – некая раскрепощённая отчаянность. Мне так кажется. Впрочем, не знаю. Не уверен.

Я сейчас просто расскажу одну небольшую историю, а уж ты, мой читатель, сам решишь – было ли что-нибудь особенное в наших орловских детях. Обычно или необычно, специфично или неспецифично поведение орловских детей в приведённых ниже, вполне обычных для Орловки, но, как всегда, специфичных обстоятельствах.

Однажды наш знаменитый орловский охотник Боря Петров, вернувшись с очередной охоты, рассказал жене, что видел в лесу рысь. «Г'ысь, – сказал Боря (Помните? Он у нас слегка картавил).

– Здоговая, сволочь!..» Жена поинтересовалась – опасный ли зверь, эта рысь? «Очень! – опрометчиво сказал Боря. – Г'ысь гогаздо опаснее волка. Она устгаивает засады на дегевьях и бгосается на жегтву свегху». Тогда жена спросила – нападает ли рысь на людей? «Бывает... – широко зевая после многочасовой прогулки по лесу и сытного обеда, ответил Боря. – Г'едко, но бывает, – и добавил: – Г'ысь удагом лапы может сломать человеку шею...» После чего Боря отправился в спальню вздремнуть, а его жена, сунув ноги в валенки и схватив в охапку пальто, торопливо выскочила за дверь.

Через полчаса весь городок был, как говорится, «на ушах». Ещё бы! В окрестностях гарнизона рыскал опасный кровожадный хищник. Он устраивал засады на людей и запросто перешибал лапой шею зазевавшимся прохожим!..

Вечером на квартиру к командиру полка заявила делегация взволнованных орловских женщин. Они просили, нет, они требовали, чтобы командир завтра же организовал прочёсывание ближайших лесов на предмет поиска и уничтожения опасного хищника. Также они требовали, чтобы каждый транспорт с детьми, отправляющийся в школу, отныне сопровождал вооружённый автоматом офицер.

Командиру удалось слегка успокоить растревоженных представительниц прекрасной половины человечества. Он объяснил, что дикие звери никогда не нападают на автомобильный транспорт. Они попросту боятся машин. А что касается прочёсывания леса, командир пообещал завтра же переговорить с председателем местного охотколлектива на предмет организации охоты в ближайшие выходные дни. В заключение разговора командир посоветовал женщинам больше внимания уделить разъяснительной работе

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

среди тех же детей на предмет недопустимости одиночного хождения в лес.

Тем не менее на следующее утро некоторые мамы не пустили своих детей на отъезд в Сосновку. По принципу: «Мало ли чего!..». Дети плакали и рвались в школу. Они знали!..

Ну а в школе, по требованию родительской общественности, во всех классах были экстренно проведены обязательные «пятиминутки», на которых учителя рассказывали детям о подстерегающей их в лесу опасности, о повадках коварного хищника и о возможных трагических последствиях встречи с ним. Были показаны интересные картинки и даже один, очень кстати нашедшийся в кабинете биологии, диафильм. Дети слушали так, как никогда не слушали во время уроков: затаив дыхание и открыв рты. И результаты не замедлили сказаться.

Это был единственный на моей памяти день, когда весь школьный транспорт – и автобус, и оба «кунга» – вернулся из Сосновки пустым: все школьники, включая самых маленьких малышатиков, сразу же после занятий рванули в лес – искать рысь.

Бедная рысь! Действительно, кого она могла до этого встретить в лесу? Разве что только охотника. А охотник – это не более чем обыкновенный человек с ружьём. Он ходит по лесу тихо и ведёт себя вполне адекватно. Максимум что он может сделать, так это убить. Но он не завывает одновременно на сорок голосов и не орёт диким хором: «Кися-а-а-а!!! Выходи-и-и!!!». Он не стучит дубиной по сосновым стволам с целью согнать «кисю» с дерева. Он не раскапывает сугробы, не тычет палкой в дупла и не разбрасывает по кустам отвратительно пахнущие, недоеденные столовские котлеты.

Короче, после такой экстремальной «экскурсии» искать бедную «кисю» надо было уже не возле Орловки, а где-нибудь не ближе Экимчана. Во всяком случае, ни Боря Петров, ни другие орловские охотники рысь в окрестностях гарнизона больше никогда не видели.

Конечно, уделив отдельную главу детям, хотелось бы написать и отдельную главу, повествующую об орловских женщинах. Но, честное слово, автор не особо себе представляет, как должна выглядеть эта глава. Будь орловские женщины какими-нибудь особенными, какими-нибудь, понимаешь, отчаянными амазонками, какими-нибудь из категории «...слона на скаку остановит и хобот ему оторвёт», – писать о них было бы легко и просто. Но орловские женщины были... просто женщинами. Пожалуй, единственной общей отличительной их чертой было терпение. Безграничное терпение в преодолении бесконечных мелких бытовых трудностей.

Действительно, орловские мужчины все были военнослужащими и с утра до вечера, а иногда и круглосуточно, пропадали на работе. А все домашние хлопоты, весь проклятый быт, о который, как известно, разбилась не одна любовная лодка, ложились на отнюдь не богатырские женские плечи. За шесть долгих лет, проведённых в Орловке, я видел огромное количество семей, развалившихся именно из-за быта. Жёны не выдерживали длительной пытки бытовой неустроенностью, нудностью и однообразием гарнизонной жизни и, забрав детей, уезжали на «большую землю». Надолго или навсегда. В гарнизоне оставались только самые любящие, самые преданные, самые терпеливые.

И если уж речь зашла о женщинах, то, я полагаю, совершенно необходимо упомянуть об одной из сторон орловской жизни, с которой женщины сталкивались гораздо чаще мужчин. Речь пойдёт...

О магазинах

Магазинов в Орловке было три. Продовольственный магазин занимал небольшое одноэтажное здание, расположенное на «стометровке», как раз напротив лётной столовой. А под овощной и промтоварный магазины были выделены две двухкомнатные квартиры в первом подъезде ДОСа № 2.

Давай, мой читатель, для начала вместе посетим продовольственный магазин и окинем свежим непредвзятым взглядом его витрины и полки.

Итак, мы в магазине. Вход – направо и сразу же мясо-молочный отдел. Увы, ни мяса, ни молока. В ярко освещённых витринах-холодильниках – пирамиды из брусков маргарина и огромный белый куб свиного жира. Всё.

Идём дальше против часовой стрелки, по периметру.

Вдоль стен полки с консервацией: «Завтрак туриста» (перловая каша с прожилками мяса) – в поллитровых стеклянных банках; рыбные консервы «Килька в томате»; консервированная морская капуста; маринованные огурцы и кабачки в трёхлитровых, опять же стеклянных, банках и солёные зелёные помидоры – в пятилитровых жестяных. Чуть дальше – соки, тоже в трёхлитровых банках: томатный, берёзовый, гранатовый. Тут же стеклянные бутылки... и похоже, что с растительным маслом! Ура! Растительное масло! Товарищ продавец! По сколько бутылок масла можно брать?.. Как «по сколько хотите»?! По много «хочем»!.. Ах, хлопковое!.. Нет, спасибо, не надо...

(продолжение следует).

• Улыбнись

ВОСКРЕСНОЕ. МСТИТЕЛЬНОЕ

Ах, как тяжело вставать по утрам по звонку!
Свой скрипящий хребет – позвонок к позвонку –
изгибать в полусонных наклонах,
приложив (непечатным!) кукушку словцом,
непрожаренным чавкать на кухне яйцом,
и смурного субъекта с помятым лицом
брить рассеянно, но непреклонно.
И брести в темноту, растворяясь в зиме,
и в трамвае, к такой же сутулой спине
прижимаясь, мечтать об апреле.
И весь день на работе в носу ковырять,
и домой возвращаться, чтоб вновь и опять,
и весь год, и всю жизнь, изнывая, вставать
под будильника чёртовы трели...

Тем желанней и слаще воскресная месть.
Я – в кровати! Дремлю! Этот день – мой и весь!
И будильник, поставленный ровно на «шесть»,
обезврежен подушечным кляпом.
Из тугих временных непролазных тенет
хоть один вырвать день – больше радости нет!
И кукушка в часах циферблатом к стене –
ах, я подлый! – становится дятлом...

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

* * *

– Всем лучшим, что во мне живёт, –
лишь книгам я обязан! –
Воскликнул гордо дон Кихот,
накрывшись медным тазом.

– Отныне лучшим, что в вас есть,
восславлена Ламанча,
и я прославлен, Ваша честь! –
Встрял простодушный Санчо.

Потом кричали все виват
и воспевали доблесть,
и только бедный Росинант
влачил печальный образ.

**Пётр Бобунов,
Нелидово**

* * *

Средь шумных офисов и пыли
Теперь признания строчат.
А в них – печаль: «Мы оба были...»
«...на том же блоге...» «...в тот же чат...»

Но, пробежав страничек тыщи,
Ночуя с мышкой за столом,
Брюнет на Яндексe отыщет
Свою блондинку за ГуглОм...

**Игорь Столяров,
Нелидово**

* * *

Когда осталось про любовь шутить,
я в парк отправлюсь за травкою сныть.
Ведь, говорят, она с времён античных –
целебных свойств и бодрости исток.
Активно улучшая кровоток,
увядших превращает в эстетичных.

Свой кузовок до бортиков набрав,
на лавочке листаю сборник трав.
Не мясо, а салатик благородный
есть буду, чтоб изящною прослыть.
Расширю лучше знания про сныть:
зовут её ещё... «купырь болотный».

Сердечко начинает тихо ныть,
логически достраиваю нить –
в аллее профиль сумрачный маячит.
Услужливая память на «купырь»
нанизывает: Гоголь – «Вий» – упырь...
Нет, лучше мясо и венец безбрачья.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

ПРО СОСИСКУ

Была я свежее сосиской,
Румяной, розовой такой.
Светило солнце низко-низко
Над ветреною головой.

Я улыбалась и шутила,
С людьми делилась добротой.
С сардельками роман крутила.
Была веселой и простой.

Была я стройной, длинноногой,
Умела задницей крутнуть.
Сердца разбила взглядом многим,
Что не сумели увильнуть.

В моих глаза любовь светилась,
Ну а в ответ меня любили.
Ах, как же это было мило!
Ну, а потом меня сварили.

**Юлия Алексеева,
Андреаполь**